

В. А. Кисель

САМОГОНОВАРЕНИЕ У ТУВИНЦЕВ: КОНФЛИКТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ГОСУДАРСТВА

Одной из характерных черт культуры тувинцев является изготовление и потребление алкогольного напитка, производимого из заквашенного коровьего молока. В тувинском языке он носит наименование *арага* (в русском произношении *арак*). Приготовление *араги* основано на получении дистиллята с помощью примитивного перегонного аппарата. Этот агрегат состоит из двух металлических котлов — малого (*чылапча*) и большого (*паи*), крупного полого цилиндра или усеченного конуса (*шууруун*, *бүлгээр*), сделанного из ствола дерева, и отводной деревянной трубки или дощечки (*шорга*, *коошна*). В процессе производства *араги* на большой котел с закваской (*хойтпак*) устанавливается цилиндр или конус, в стенке которого проделано отверстие и вставлена отводная трубка или дощечка. Сверху цилиндра помещается малый котел, наполненный холодной водой. Щели между деталями аппарата замазываются глиной или затыкаются тряпками, войлоком (*ораалга*). Затем конструкция ставится на огонь. Пар от кипящей закваски поднимается вверх и конденсируется на холодном дне малого котла. Получившаяся жидкость капает в трубку или на дощечку и вытекает из аппарата. Выгнанный напиток содержит от 5 до 20 % алкоголя.

Известно, что иногда тувинцы практиковали вторичную перегонку. Такой напиток назывался *аржаң*. Он содержал приблизительно 30 % алкоголя. Еще более редко производилась тройная перегонка. Полученная жидкость — *коржаң* — имела уже около 50 % алкоголя. В исключительных случаях дистиллировали и *коржаң*, что позволяло изготовить спирт — *хоран* [Даржа 2007: 112–114].

Как правило, для перегонки использовали *хойтпак*, но порой его заменяли заквашенным верблюжьим, сарлычьим, оленьим, овечьим молоком либо кумысом. Случалось, что в ход шла ячменная, пшеничная, пшенная и облепиховая брага [Яковлев 1900: 78; Каррутерс 1914: 233; Мачавариани, Третьяков 1930: 96; Кон 1936: 186; Вайнштейн 1961: 104; Потапов 1969: 170; Кенин-Лопсан 2006: 213; Даржа 2007: 112; Африканов 2007: 139; Турчанинов 2009: 103; Прокофьева 2011: 337, 340].

Несмотря на широкое распространение в Туве описанного аппарата, изредка применялся агрегат более простой конструкции. У него отсутствовала трубка или дощечка, отводившая конденсат. Напиток собирался в небольшой котелок, висевший внутри цилиндра прямо под верхним котлом. По всей видимости, такой аппарат появился в тувинской среде не ранее XX в. под влиянием русских переселенцев [ПМА 2012]¹.

Видное место, занимаемое традиционным самогоноварением в тувинской культуре, фиксирует топонимика и фольклор. На территории Тувы известны гора *Арага-Бустур* («Место, где арага разбилась») и река *Арага-Төктүр* («Арага прольется») [Ондар 2004: 53]. В легендах изобретение молочной водки приписывается или верховному божеству — Бурхану, или Чингисхану, тоже выступающему в роли сверхъестественного существа [Потанин 1883: 211–214, 795–796]. В одной богатырской сказке напиток назван «самым лучшим из ханской еды-питья» [Богатырь Тевене-Мөге]. Бытуют загадки и поговорки, связанные как с *арагой*, так и с ее выгонкой [Курбатский 2001: 304–305; Кенин-Лопсан 2006: 213].

Неотделима молочная водка от культовой практики тувинцев. Она использовалась как сакральная жидкость, наиболее подходящая в качестве подношений потусторонним силам, а также для потребления в особо торжественных случаях [Кон 1936: 83, 88, 168, 173; Потапов 1969: 360, 375, 380–381, 391–392; Курбатский 1973: 25, 35–36, 38; Дьяконова 1975: 64–66, 107; Вайнштейн 1991:

¹ В. П. Дьяконова, описавшая сходный аппарат у теленгитов, тоже отнесла его к новациям последнего времени [Дьяконова 2001: 71].

238; Кенин-Лопсан 2006: 23–26, 29, 40–41, 44, 68, 81–82, 91–93, 97–102, 106–107, 110–112, 122, 124, 183, 190–191, 213, 221; Даржа 2007: 10, 41, 107, 112].

Во многих песнях отмечено пристрастие тувинцев к молочной водке. В некоторых из них *арага* и опьянение ею восхваляются: «Пить водку — вещь приятная... Быть пьяным — вещь хорошая...», «Не насыщусь тем кушаньем, при котором нет араги», «Напившись водки, весело и заснуть». В других — осуждается: «...көгээржик (кожаная фляга. — В. К.) с вином седло перетягивает», «...я вырос грубияном, употребляя в питье водку» [Курбатский 2001: 304].

В научной литературе отсутствует единый взгляд на отношение тувинцев к молочной водке. Часть исследователей утверждает, что в старину в Туве существовали жесткие неписанные законы, ограничивавшие потребление алкоголя. Например, запрещалось пить *арагу* неженатым мужчинам. Не разрешалось доходить до сильного опьянения. Категорически исключалось потребление молочной водки детьми. *Арага* не фигурировала при отмечании *Шагаа* (Новый год) и проведении поминок. На свадьбах соблюдались возрастные ограничения: мужчины, не достигшие 37 лет, не должны были потреблять напиток, а пожилые люди могли выпить только две пиалы. Порой молочная водка даже воспринималась как «напиток дьявола»¹ [Курбатский 1973: 25–26, 73–74; 2001: 305; Кенин-Лопсан 2006: 15, 24, 29, 106, 144, 213].

Однако наблюдения путешественников и ученых, посетивших Туву в XIX — начале XX в., это не подтверждают. В их трудах отмечаются страсть тувинцев, как мужчин, так и женщин, к спиртному, использование для производства *араги* большей части получаемого молока, постоянное наличие молочной водки у зажиточных хозяев, обильное ее потребление на поминках, драки пьяных чиновников, устраиваемые на ритуальных празднествах [Каррутерс 1914: 233; Грумм-Гржимайло 1926: 100; 1930: 623–

¹ У большинства народов отмечается двойственное отношение к спиртным напиткам. В качестве примера можно сослаться на русскую культуру, в которой одновременно бытуют представления: «Зелено вино на пагубу дано» и «Водка — лучшее лекарство» [О вине и пьянстве 2001: 95, 142].

624; Vouyak 1928; Минцлова 1993: 33, 90, 103; Кон 1936: 83; Африканов 2007: 139; Шварц 2007: 54–55, 58; Катанов 2011: 144]. Некоторые путешественники даже описывали знакомство с непьющими или малопьющими тувинцами как редкое, исключительное событие [Адрианов 1993: 18; Шварц 2007: 56]. Иллюстрацией пристрастия тувинцев к алкоголю служит сообщение В. П. Дьяконовой об устройстве мистерии Цам в одном из тувинских монастырей. Во время проведения праздника из-за неумеренного потребления прихожанами *араги* потерялась статуя бурхана Майдара. Скульптуру не смогли отыскать даже на следующий день после напоминания Камбы-ламы [Дьяконова 1971: 120].

Противоречия во взглядах ученых на роль молочной водки в жизни тувинцев можно объяснить, с одной стороны, идеализацией прошлого самих жителей Тувы, а с другой — произвольным сгущением красок представителей иной культуры, недостаточно знакомых с местной спецификой. По всей видимости, реальная картина была более сложной.

Как утверждает современный тувинский исследователь В. К. Даржа, массовое производство молочной водки в Туве было возможно только в июне–июле, когда устанавливались устойчивые удои коров и кобыл¹. Именно в этот период происходило активное и массовое потребление напитка. В остальное время *арагу*, заготовленную впрок, тувинцы пили в сравнительно небольших количествах [Даржа 2007: 109–110]. Существовали и ограничения ритуального характера. Например, бытовал запрет на подношения молочной водки целебному источнику Соруглуг-Баалык [Мифы 2010: 133, 135].

В общих чертах ситуация в дореволюционной Туве, очевидно, напоминала положение дел в Минусинском уезде (совр. Хакасия) в начале XX в. Так, А. В. Адрианов писал, что в жизни «минусинского инородца» ни одно событие не обходилось без питья *араги*. Алкогольный напиток потребляли «в больших количествах, все без исключения», правда, только после женитьбы или выхода за-

¹ Впрочем, А. М. Африканов в 1890 г. отмечал, что производство *араги* у тувинцев продолжалось «три четверти» года [Африканов 2007: 139].

муж. Во время празднеств регулировалось поведение опьяневших участников: ссоры и драки пресекались. Детям и подросткам разрешалось пить *арагу* только раз в году (для крещеных жителей этим днем стало начало Пасхи). Начало производства молочной водки у «минусинцев» относится к маю [Адрианов 1909: 506–519].

Кстати, нечто подобное, но в более мрачных тонах изобразил А. Г. Данилин, побывавший в 1927–1929 гг. на Алтае. В его экспедиционном дневнике отмечено: «(алтайцы. — В. К.) все лето гонят (“сидят”) арачку и пьют непрерывно, так что все лето проходит в перманентном состоянии блаженного одурения... Пьют и женщины, дают отведывать и детям с 5 лет» [Данилин 1927–1929: 3]¹.

Традиционный для тувинцев способ получения спиртосодержащей жидкости не замыкался территорией Тувы, Минусинским уездом и Алтаем. Он был известен у большинства кочевников тюркской и монгольской языковых групп Южной Сибири и Центральной Азии. У этих народов также практиковалась неоднократная перегонка, позволявшая получать напитки значительной крепости [Жуковская 1979: 72]. Кочевнические самогонные аппараты, совпадая в основных деталях, разделялись на два типа. Отличительным признаком служило устройство сбора конденсата. Для первого типа, куда входил тувинский агрегат, был характерен полый цилиндр или усеченный конус с малым котлом наверху и отводной трубкой или дощечкой (рис. 1). У второго типа на большом котле имелась только деревянная полусферическая крышка (составная или цельная) с трубкой, опущенной в сосуд, стоящий в холодной воде (рис. 2). По мнению исследователей, аппараты первого типа имели тюркское происхождение, точнее — тувинское, второго — монгольское [Владимирцов 1911: 26; Бадмаев 2005: 151]².

¹ Автор выражает признательность Д. В. Арзютову, оказавшему большую помощь в поисках архивных материалов по этнографии Алтая.

² На архаичность тувинского аппарата указывает изготовление цилиндра или конуса из целого ствола дерева. Другие же народы, знакомые с таким агрегатом (например, буряты), делали конус из досок путем бочарной клепки [Бадмаев 2005: 148–151].

Рис. 1. «Туркский» тип самогонного аппарата
(источник: [Прокофьева 2011: рис. 58])

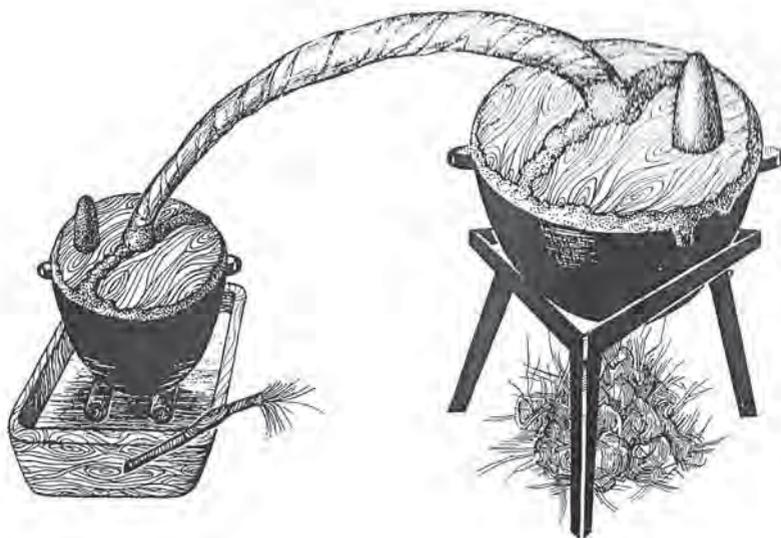

Рис. 2. «Монгольский» тип самогонного аппарата
(источник: [Очир-Горяева 2004: рис. 3])

До сих пор не установлено время появления молочной водки. Некоторые археологи и историки кулинарии настаивают на самостоятельном изобретении кочевниками дистилляции, причем датируют перегонку заквашенного молока скифской эпохой [Руденко 1953: 52; Похлебкин 1991: 220–221; Очир-Горяева 2004: 169–172]. Однако ни в одном древневосточном или античном письменном источнике молочная водка не фигурирует. Это очень странно, поскольку древние авторы интересовались жизнью кочевых народов и старались отразить ее наиболее полно.

Впервые *арага* упоминается в XVII в. в описании пиров ханов — родоначальников туркмен, а также в перечне напитков, предложенных в Туве русским послам к Алтын-ханам [Кононов 1958; Вайнштейн 1991: 131]. Опираясь на это, С. И. Вайнштейн датировал появление молочной водки у азиатских кочевников немногим ранее XVII в. Исследователь предположил, что тюркские и монгольские народы заимствовали дистилляцию от арабов, которые были знакомы с ней еще в VIII в. [Вайнштейн 1991: 130–131]. Правда, арабы использовали перегонку не для получения опьяняющей жидкости, а в медицинских целях и для макияжа. В отличие от С. И. Вайнштейна, У. Йохансен обратила внимание на наличие в тюрко-монгольском мире двух типов самогонных аппаратов и пришла к выводу о различных источниках заимствований. По мнению исследовательницы, первый тип аппарата — «тюркский» — был получен кочевниками из Китая в XVIII в. Второй же — «монгольский» — пришел, вероятно, с Ближнего Востока от арабов (цит. по: [Очир-Горяева 2004: 169–170]).

Как известно, дистилляция предполагает знакомство с основами химического производства. Поэтому сомнительно, что кочевые народы открыли ее самостоятельно. Очевидно, приемы перегонки были получены ими от какой-то оседлой земледельческой культуры, например китайской. Именно в Китае изготовление дистиллированных алкогольных напитков началось еще в VII в. [Духовная культура 2009: 371]. К тому же китайцам были известны различные конструкции самогонных агрегатов, некоторые из них внешне напоминали «тюркский» и «монгольский»

типы¹. И хотя в Китае сырьем для приготовления спиртосодержащих жидкостей служило зерно, существует мнение, что иногда применялось и молоко [Фредрикссон 2007: 25].

Момент появления у кочевников дистилляции можно вычислить, опираясь на географию распространения молочной водки. В тюрко-монгольском мире она известна не всем народам. Так, якуты *арагу* не знали, а башкиры познакомились с ней достаточно поздно (в XVIII в.?), должно быть, под влиянием других тюркских этносов [Мигранова 2012: 91]. Якуты и башкиры, проживая ныне в бассейнах Лены и Белой, имеют южное происхождение. Мнения исследователей о времени их переселения расходятся. Однако, как утверждают некоторые археологи, громадную роль в формировании якутской и башкирской культуры сыграли миграции кочевников, происходившие в самом начале раннего Средневековья (или даже ранее) [Руденко 2006: 23–26, 281, 304; Савинов 2010: 78–79]. Очевидно, освоение перегонки населением Центральной Азии и Южной Сибири произошло уже после ухода оттуда предков якутов и башкир.

Различные типы самогонных аппаратов, вероятно, указывают на моменты наиболее тесного взаимодействия кочевников с Китаем. Для тюркского мира таким периодом стали VII и VIII вв. — время подчинения тюркских каганатов империи Тан. Тогда вполне мог быть заимствован агрегат, превратившийся со временем в первый тип кочевнического аппарата — «тюркский». Другим ключевым событием явился разгром монголами империи Цзинь в XIII в. В тот период кочевники, видимо, восприняли второй тип аппарата — «монгольский»². Немаловажную роль в истории распространения дистилляции в кочевом мире сыграла Тува. Ее изолированность и труднодоступность позволили сохранить местному населению наиболее архаичную конструкцию

¹ Существенным отличием китайского аппарата от «тюркского» было то, что большой котел использовался не для браги, а для воды. Брага же находилась в цилиндре, который имел дно, то есть являлся обыкновенной бочкой.

² Следует признать, что ранее автор склонялся к самостоятельному изобретению кочевниками самогонного аппарата и не исключал освоения ими перегонки в хуннскую эпоху [Кисель 2007: 110].

самогонного аппарата и впоследствии передать ее другим народам.

Вхождение Тувы в состав крупных государственных образований существенно отразилось на культуре тувинцев. Перемены затронули и традиционное самогонование. В 1756 г. Тува вошла в Цинскую империю. Маньчжуро-китайские правители, стремясь сократить массовое потребление алкоголя, запретили торговлю *арагой* в Туве [Штыгашев 2006: 46]. Объявление Российской империей протектората над Тувой в 1914 г. отменило законы прежней власти. Производство *араги* стало абсолютно бесконтрольным¹.

Кардинальное изменение отношения правительственных чиновников к *араге* произошло с установлением советской власти. Одним из первых указов Тувинской народной республики стал запрет на частное самогонование, так как оно подрывало «доходную часть бюджета» новообразованного государства. Это постановление ЦК Танну-Тувинской народно-революционной партии, принятое в 1923 г., было направлено против напитков, получаемых из зерна и ягод. Но к ним, очевидно, отнесли и *арагу*, поскольку через несколько месяцев после публикации указа другим постановлением отменялось запрещение на производство ягодного самогона и молочной водки [За здоровый образ 2009]. Формирование ТНР происходило при непосредственном участии РСФСР, и эти тувинские законы, скорее всего, явились откликом на политику Советской России, где в 1919 и 1923 г. Совет народных комиссаров принял два показательных декрета. Первый декрет полностью запрещал самогонование, а второй — разрешал изготовление и продажу наливок и настоек крепостью до 20–30°. Позднее, в 1928 г., появились циркуляры НКВД, уточнявшие, что борьба с самогонованием не распространяется на изготовление, хранение и сбыт «домашних национальных напитков», в том числе молочной водки [Такала 2002: 190, 194, 200–201].

¹ Надо отметить, что на территории Сибири, входившей в Российскую империю, еще с первой половины XIX в. действовали жесткие ограничения на изготовление «инородцами» молочной водки [Клеменц: 9, 15].

В государственных архивных документах Тувы обычно фигурируют расплывчатые определения «алкогольные» или «спиртные напитки», поэтому не всегда ясно, когда речь идет об *араге*. Однако можно с уверенностью предположить, что начиная с конца 1920-х — начала 1930-х годов производители и потребители молочной водки испытывали серьезное давление со стороны властей. Именно в это время на страницах тувинской печати развернулась активная антиалкогольная пропаганда, призывавшая «решительнее бороться с лицами, злоупотребляющими спиртными напитками» [За здоровый образ жизни 2009; Седип-оол 2009]. Должно быть, здесь снова сказалось влияние РСФСР, ведь в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) была провозглашена «энергичная борьба... за культуру, против пьянства» [Такала 2002: 206].

На тувинское самогоноварение, как и на всю традиционную культуру, отрицательно повлияли коллективизация и оседание населения. Эти новшества, внедрявшиеся принудительным путем, привели к сокращению количества скота и соответственно молока, шедшего на перегонку. В 1933 г. руководство ТНРП признало отрицательными результаты коллективизации, осудило допущенные ошибки и постановило распустить колхозы. Вновь к коллективизации Тува вернулась только в конце 1940-х годов [Москаленко 2004: 129, 172, 174].

В полной мере тувинцы испытали коллизии советской антиалкогольной политики после вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. Через 4 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об уголовной ответственности за самогоноварение. Изготовление и хранение самогона и самогонных аппаратов каралось заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком от 1 года до 7 лет. Не вызывает сомнения, что некоторые тувинцы пострадали от этого закона. Жесткая борьба с самогоноварением длилась более 10 лет, до начала 1960-х годов, когда были объявлены послабления и самогоноварение фактически вышло из-под уголовной ответственности [Такала 2002: 254]. Однако ситуацию это уже не изменило, и производство *араги* продолжило неуклонно сокращаться. Постепенно пьющее тувинское население перешло на покупную государственную продукцию — водку, вино,

пиво. В результате в Туве доля потребления высокоградусных алкогольных напитков значительно возросла.

Новый удар по самогонварению был нанесен в 1985 г. после выхода Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». В Туве силами милиции и добровольных дружин стали совершаться рейды по выявлению и изъятию самогонных аппаратов. Как вспоминают очевидцы, активисты вместе с представителями власти устраивали в поселках показательные действия: из изъятых деревянных цилиндров (*шууруун*) складывались громадные пирамиды, которые потом сжигались. Многие пожилые люди, считавшие *арагу* сакральной жидкостью, воспринимали это как святотатство. Большая часть тувинцев полностью прекратила производство молочной водки, и только единицы стали гнать ее тайно вне поселков, в тайге [ПМА 2012].

Такие радикальные меры тувинских властей вызывают удивление, поскольку в соседних регионах — республиках Алтай, Хакасия и Бурятия — ничего подобного не происходило. И хотя позднее федеральным правительством подобные методы борьбы с пьянством были оценены как ошибочные, производство молочной водки в прежних объемах не восстановилось. Думается, в немалой степени этому способствовали и разнообразные антиалкогольные кампании, периодически устраивавшиеся в Туве, — проведение митингов и шествий, установление «дней здорового образа жизни», организация безалкогольных зон [День здорового образа жизни 2008; Запрет на пьянство 2010]. Как правило, такие кампании инициировались тувинскими властями, но проходили под видом волеизъявления народа.

Громадную негативную роль в истории тувинского самогонварения сыграло скотокрадство. Оно стало одной из отличительных черт республики после распада СССР и развала советской экономики. За последние 20 лет деятельность скотокрадов приняла устрашающие размеры и привела к резкому сокращению поголовья, так как похищенный скот обычно забивался на мясо [Ховалыг 1999: 26; Даржа 2001: 9–15; Кисель 2005: 149; Оюн 2009].

Несмотря на все это, значение *араги* в Туве продолжает оставаться достаточно высоким. Среди тувинцев бытует устойчивое мнение, что молочная водка является исконно традиционным напитком. Такое представление наглядно проявилось в п. Кунгуртут Тере-Хольского кожууна, где изготовление *араги* прекратилось уже около 30 лет. Учитель, переехавший в поселок из другого района, организовал в домашних условиях выгонку молочной водки. Более того, он стал пропагандировать среди односельчан ее потребление, считая, что тем самым способствует возрождению тувинской культуры [ПМА 2004].

Не менее показательны опросы тувинцев, проведенные Б. А. Мышлявцевым. Согласно им, *арага* остается самым престижным напитком. Ее наличие необходимо на наиболее важных праздниках — свадьбах, рождении детей, *Наадыме* (День животновода) и т.п. Ниже по значимости находится покупное вино, выступающее в качестве подарка, подчеркивающего уважительное отношение. Будничным напитком воспринимается промышленная водка, которая используется как на праздниках, так и в качестве обычного дара. Самым низко статусным является технический спирт («технар», «шмурдяк»), распространяющийся нелегально. Его, как правило, потребляют с целью опьянения и никак не связывают с ритуальной сферой [Мышлявцев 2003]¹.

Нельзя не отметить частичное сохранение традиции запрета на потребление алкогольных напитков в особо почитаемых местах. Так, в упомянутом Тере-Хольском кожууне, где большая часть населения злоупотребляет различными алкогольными жидкостями, табуировано распитие спиртного возле сакральных родников (*аржаан*) [ПМА 2004].

В настоящий момент наметился новый подход в отношении к традиционному самогоноварению. Некоторые туристические фирмы Тувы стали активно использовать его как своеобразный «бренд» (наряду с шаманами, горловым пением и мелкой камен-

¹ Десятилетие, прошедшее после исследований Б. А. Мышлявцева, отразилось на «рейтинге» алкогольных напитков. Коньяк и виски сильно потеснили вино (особенно у тувинской интеллигенции). Водка же заняла более видное место в сакральной сфере.

ной пластикой), предлагая клиентам поездку на чабанскую стоянку, где «вместе с хозяином будем перегонять из молока тувинскую самогонку Арака» [Тува Тур 2013]. К тому же *арага* приобрела международный статус, войдя в ряд экзотических алкогольных напитков. Недавно СМИ сообщили, что семья британских фермеров Барбер, используя сведения о тувинском самогоноварении, наладила собственное производство молочной водки. Новый напиток, названный “Black Cow Vodka”, был разрекламирован как «истинный местный экологический продукт» и начал активно продаваться в Англии [Тыва арага 2013].

В самой же Тыве *арага* не рассматривается как выгодный товар и изготавливается в незначительных масштабах, в основном для личного потребления и угощения близких родственников.

Прогнозировать будущее тувинского самогоноварения крайне затруднительно. Оно полностью зависит от алкогольной политики федерального правительства, а также от экономического состояния республики. Вместе с тем надо признать, что не исключена и полная утрата значимой роли *араги* в тувинской культуре.

Источники

Данилин А. Г. Дневники этнографических поездок на Алтай и в Ойротскую автономную область. 1927–1929 гг. 396 л. + 1 л. // СПбФА РАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102.

Клеменц Д. А. Материалы, касающиеся запрещения инородцам Сибири готовить араку. Автограф. Б/г. 15 л. // АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 20.

ПМА 2004 (Тере-Хольский кожуун, Республика Тыва).

ПМА 2012 (Бай-Тайгинский кожуун, г. Кызыл, Республика Тыва).

Библиография

Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отделу этнографии. 1909. Т. XXXIV. С. 489–524.

Адрианов А. В. Шагаа (Сойотский Новый год). Этнографический очерк из Урянхайской жизни. Кызыл, 1993.

Африканов А. М. Урянхайская земля и ее обитатели // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Тыве, урянхайцах —

тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М., 2007. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве.

Бадмаев А. А. Традиционная утварь бурят в XIX — начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 2005.

Богатырь Тевене-Мөгө и конь его Демир-Шилги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vse-skazki.ru/tuvinskie/10181-bogatyr-tevenemyoge-i-kon-ego-demir-shilgi>

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Владимирцов Б. Я. Поездка к кобдосским дэрбэтам летом 1908 г. СПб., 1911.

Грум-Гржимайло Г. Э. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. III. Вып. I; 1930. Т. III. Вып. II.

Даржа В. К. Самозащита по закону: Пособие для арата. М., 2001.

Даржа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл, 2007.

День здорового образа жизни в Туве отметили символическим сжиганием алкоголя, наркотиков и сигарет // Тува-Онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tuvaonline.ru/2008/12/03/2208_shestvie.html

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. М., 2009. Т. 5.

Дьяконова В. П. Цам у тувинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. (Сб. МАЭ. Т. 27). Л., 1971. С. 114–129.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 64–75.

За здоровый образ жизни, по профилактике пьянства и алкоголизма: сборник документов, статей из газет с 1923 по 1944 г. Кызыл, 2009.

Запрет на пьянство спас вымиравшую тувинскую деревню // Первый канал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/other/163439>

Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Пг., 1914. Т. I: Урянхайский край.

Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл, 2011.

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл, 2006.

Кисель В. А. Тува в современном мире (взгляд стороннего наблюдателя) // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005. С. 144–151.

Кисель В. А. «Огненный» напиток скифов // А. В.: сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007. С. 110–114.

Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М., 1936.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://turkmenhistory.narod.ru/shejere-turkmen-main.html>

Курбатский Г. Н. Тувинские праздники: Историко-этнографический очерк. Кызыл, 1973.

Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл, 2001.

Мачавариани В., Третьяков С. В Танну-Туву. М.; Л., 1930.

Мигранова Э. В. Башкиры. Традиционные системы питания: Историко-этнографическое исследование. Уфа, 2012.

Миңцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Кызыл, 1993.

Мифы, легенды, предания тувинцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2010. Т. 28.

Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX в. М., 2004.

Мышлявцев Б. А. Культура употребления опьяняющих и наркотических веществ у современных тувинцев // Сибирский этнографический вестник. Новосибирск, 2003. № 15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>

О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки / сост. Г. Ю. Багриновский. М., 2001.

Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Абакан, 2004.

Очир-Горяева М. А. О возможном назначении парных бронзовых котлов у кочевников раннего железного века Евразии // Археологические памятники раннего железного века Юга России — МИАР. М., 2004. Т. 6. С. 166–178.

Оюн Л. Отрезать скотокрадам руки? Реально ли всем миром одолеть главное преступление Тувы — скотокрадство? // Центр Азии. 2009. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centerasia.ru/issue/2009/5/2444-otrezat-skotokradam-ruki-realno-li-vsem.html>

- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. IV: Материалы этнографические.
- Потанов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Похлебкин В. В.* История водки (IX–XX вв.). М., 1991.
- Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
- Савинов Д. Г.* Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник–2. СПб., 2010. С. 68–81.
- Седип-оол М. М.* Хроника борьбы со злом: вековое противостояние // Плюс-информ. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://plusinform.ru/main/415-hronika-borbyi-so-zlom-vekovoe-protivostoyanie.html>
- Такала И. Р.* «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.
- Тува Тур. Этнотуры по Туве. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tour.tuva24.ru>
- Турчанинов А. А.* Урянхайский край в 1915 г. Кызыл, 2009.
- Тыва арага на британских островах // Тува-Онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tuvaonline.ru/2013/04/10/tyva-aragana-britanskih-ostrovah.html>
- Фредрикссон Л.* Водка из глиняного погребка // Восточная коллекция. 2007. № 1. С. 24–35.
- Ховалыг М. Б.* Хоозураан Тыва. Кызыл, 1999.
- Шварц Л. Э.* Путешествие начальника экспедиции в 1858 г. // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М., 2007. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве
- Штыгашев И. М.* Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 г. Абакан, 2006.
- Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея // Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. IV.
- Воннак V.* Un paus de l'Asie peu connu: le Tanna-Touva // Internationales Archiv für Ethnographie. Leiden, 1928. Bd. XXIX.

Abstract

Araga (Araka) is an alcoholic drink made from fermented milk. It is not only a prominent component of the Tuvan cooking, but also an impressive feature of the traditional culture of Tuvans. Preparation of Araga is based on obtaining the distillate using the primitive moonshine. Distilled beverage contains from 5 to 20 % alcohol.

For Tuvan, Araga is very important. It is the most popular drink in the household and ritual aspects of life.

With the establishment of Soviet government, social and economic break-up radically transformed the Tuvan culture. At the same time a new criminal and administrative law was established in Tuva. Some provisions of this law were directed against the private distilling. Production of Araga became regarded as an illegal act. Prosecution for making traditional drink increased with the entry of Tuva into the USSR. Numerous anti-alcohol campaigns, held periodically throughout the country, led to the fact that most of Tuvan farms ceased distillation Araga and the rest went to the tacit and sometimes the secret of its production.

Today it is difficult to predict the future of the Tuvan distilling. It totally depends on alcohol policy of the Federal government, as well as on the economic situation in the Republic of Tuva.